

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-23-32

УДК 31

Основные механизмы интеграции научного знания с участием социологии

Ольга Тимофеевна Коростелёва

доктор социологических наук, доцент,
доцент кафедры общей социологии,
Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ)
zakazkatun@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу различных механизмов интеграции научного знания с участием социологии. Цель работы — показать интегративный потенциал социологической науки, соотношение предметных и методологических аспектов в процессах научного синтеза, значение метапарадигмального диалога и синтеза для формирования целостной системы социогуманитарного знания. Основными методами исследования выступили анализ реальных интеграционных процессов с участием социологии, а также сравнение различных механизмов и результатов научной интеграции. Показано, что основными механизмами интегративного взаимодействия социологии с другими социогуманитарными науками выступают формирование отраслевых социологий (экономическая социология, политическая социология и т. п.) и социологических парадигм, каждая из которых, как правило, базируется на приоритетных связях социологии с определенной дисциплиной социогуманитарного профиля. Особое внимание уделяется включению социологии в процессы научного синтеза, предполагающие взаимодействие с комплексными областями знания, структурными элементами которых являются естественнонаучные, социогуманитарные и технические компоненты, а также элементы, выходящие за пределы собственно научного знания. В качестве примеров таких синтетических областей знания рассмотрены экология и антропология. Показано, что в процессе формирования социальной экологии (с участием социологической науки) ее комплексный характер (предметно-методологическое «триединство») становится более выраженным. Наиболее же значимым и методологически интересным аспектом взаимодействия социологии и социальной антропологии (как раздела антропологии — комплексного учения о человеке) можно считать объединение их усилий по созданию оптимальной модели теоретического гуманитарного знания. Главным выводом, обладающим определенной степенью новизны, выступает положение о том, что социология, включаясь в разнообразные механизмы интеграции научного знания, способствует не только содержательному сближению социогуманитарных наук, но и их адекватному, более глубокому теоретико-методологическому самоопределению.

Ключевые слова: социология, интеграция научного знания, методология науки, социальная экология, социальная антропология, социогуманитарное знание, механизмы научной интеграции.

Цитирование: Коростелёва О. Т. Основные механизмы интеграции научного знания с участием социологии / О. Т. Коростелёва // Siberian Socium. 2020. Том 4. № 1 (11). С. 23-32.

DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-23-32

ВВЕДЕНИЕ

Современная социология активно включается в процессы научной интеграции знания на предметном, методологическом и проблемном уровнях, вступая во взаимодействие с дисциплинами как социогуманитарного, так и естественнонаучного профиля, а также с комплексами знания, содержащими естественнонаучные, гуманитарные и технические элементы. При этом неизбежно меняется предметно-методологическое лицо и самой социологии, и тех областей науки, с которыми она взаимодействует. Эти процессы сегодня настолько многообразны и значительны по своим результатам, что нуждаются в серьезной теоретико-методологической рефлексии.

Цель данной статьи — показать интегративный потенциал социологической науки, соотношение предметных и методологических аспектов в процессах научного синтеза, значение метапарадигмального диалога и синтеза для формирования целостной системы социогуманитарного знания.

В начале XXI в. социология не остается в стороне от процесса синтеза научных дисциплин. Очевидно, не случайно еще Г. Зиммель отмечал ее важные особенности по сравнению с другими социогуманитарными науками: «...является наукой эклектичной, поскольку продукты других наук составляют ее материал. Она пользуется данными исторических исследований, антропологии, статистики, психологии как полуфабрикатами; она не обращается непосредственно к сырому материалу, который перерабатывают другие науки, но, будучи наукой, так сказать, второй степени, она творит новый синтез из того, что уже является синтезом для первых» [3, с. 302].

Перечень научных дисциплин, к которым «обращается» социология за материалом для осуществления «нового синтеза» уже в собственных рамках, весьма широк: это и культурологические, и экономические, и политологические, и философские науки, и целый ряд иных областей научного знания. В результате социология представляет собой многомерную и многоликую, полипарадигмальную область знания, способную в свою очередь включаться в разнообразные процессы научной интеграции.

Тем не менее механизмы интеграции современного научного знания с участием социологии изучены еще далеко не полностью. Рассмотрению некоторых пробелов в этой сфере и посвящена данная работа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В истории социологической науки существует множество примеров междисциплинарного и межотраслевого синтеза, осуществляемого как на предметном, так и на методологическом уровне. При этом в ряде случаев предметный и методологический аспекты взаимодействия довольно органично сочетались и предполагали друг друга. Так, формирование социального эволюционизма в лице Г. Спенсера и его последователей предполагало использование как предметных, так и методологических биологизаторских аналогий. Важно отметить, что в уже XIX в. четко проявилось взаимовлияние биологического и социального эволюционизма [15, с. 147].

Расово-антропологическое же направление в социальной науке складывалось по механизму значительно более сложного взаимодействия различных дисциплин: антропологии, культурологии, а также биологии, которая проявляет себя в этом синтезе опосредованно, но очень мощно. Ведь один из базовых постулатов данной школы заключается в том, что «социальное поведение людей и культура целиком или преимущественно детерминированы биологической наследственностью» [4, с. 280].

Альтернативный механизм междисциплинарной интеграции демонстрирует взаимодействие социологии с экономической наукой, результаты которого приводят к своеобразному «размежеванию» предметного и методологического аспектов научного синтеза. Первый из этих аспектов реализуется в формировании экономической социологии (и закономерно сочетается с отраслевой дифференциацией социологии как науки); второй же воплощается в существовании одной из классических социологических парадигм — экономического детерминизма. Разумеется, каждый из названных механизмов характеризуется специ-

фическим «распределением ролей» между экономикой и социологией, выдвиганием либо той, либо другой дисциплины на лидирующие позиции. Экономическая социология просто использует социологический подход, социологические принципы исследования для изучения экономической сферы жизни общества (но это исследование может проводиться в свете различных социологических парадигм и концепций — от структурного функционализма и конфликтологического подхода до символического интеракционизма и ролевой теории личности). Экономический же детерминизм и хронологически, и содержательно, и идейно порожден экономической теорией К. Маркса, а социологи, берущие данный принцип на вооружение, последовательно проводят его при анализе любых социальных явлений и процессов.

Еще менее однозначно складываются механизмы и результаты взаимодействия между социологией и культурологией. «Данный процесс, — по мнению Е. А. Попова, — в значительной мере определяется спецификой тех или иных подходов к пониманию культуры. В частности, если анализ культуры в качестве одной из сфер общества связан с достаточно узким толкованием предмета социологии культуры, то понимание культуры как содержательной основы социума является существенно более широким. Очевидно, что во втором случае речь идет о формировании культурологического направления (или парадигмы) в социологии с характерной для нее ценностной доминантой. Для многих наук культура — это совокупность артефактов, для многих — сочетание норм и ценностей, для социологии культура представляет собой „мостик“ от общества к человеку и наоборот» [11, с. 17]. Действительно, именно благодаря культуре человек становится общественным существом, а общество — сферой подлинно человеческого бытия. Но ведь проблема соотношения человека и общества — центральная проблема теоретической социологии, и каждая социологическая концепция, школа, парадигма предлагает свой вариант, свою версию ее постановки и решения. А если это так, то социология культуры обретает статус важнейшего

элемента теоретико-методологического ядра социологической науки в целом.

Завершая данный раздел статьи, подчеркнем, что социология, выходя на метапарадигмальный уровень, играет важную роль в формировании целостной системы социогуманитарных дисциплин. Мы полагаем, что можно выделить тенденцию возникновения новых парадигм на основе связей социологии с определенными социогуманитарными науками: например, ее взаимосвязь с экономикой лежит в основе марксистского подхода, а связь с психологией породила психоаналитическую парадигму в социологии. Сам процесс теоретико-методологического взаимодействия социологических парадигм играет важную роль в интеграции социогуманитарного знания.

Далее рассмотрим, каким образом социология может включаться и включается в процессы предметной и методологической интеграции знания с участием тех дисциплин и научных комплексов, которые уже сочетают в себе элементы, относящиеся к различным отраслям науки и исследовательским традициям.

Современная социология принимает весьма активное участие в процессах не только междисциплинарного, но и межотраслевого синтеза, способствуя сближению сфер естественнонаучного, социогуманитарного и технического знания. Особенно часто в этом плане отмечают «пересечение интересов» социологии и экологии, в результате которого формируются новые области научного исследования. Эти области знания зачастую представляются ученым предметно-методологически очень близкими: «Термины *экология человека и социальная экология*, — полагает Б. Б. Прохоров, — равноправны, и каждый исследователь волен использовать любой из них или расширять понятийный аппарат, применяя, например, такие термины как геодемология... демоэкология, экологическая социология... и др.» [12, с. 6].

На наш взгляд, при всей содержательной близости названных дисциплин, необходимо учитывать и их вполне определенные теоретико-методологические различия, а также особенности механизмов их формирования. Рассмотрим эту специфику на примере сравнительного анализа

экологической социологии и социальной экологии. Экологическая (инвайронментальная) социология — «одна из „отраслевых“ социологий, изучающая специфические связи между человеком и окружающей средой» [9, с. 92]. В отличие от большинства других «отраслевых» социологий (экономической социологии, политической социологии, социологии права, социологии семьи и т. п.), ее формирование основано на интегративных связях не с какой-либо наукой (или науками) социогуманитарного профиля, а с экологией, которая сама по себе является результатом довольно сложного научного синтеза.

Следует сказать, что экологическая социология имеет и еще один «статус» в системе социологического знания — это инвайронментализм как одна из социологических парадигм. Однако в любом случае речь идет о разделе социологии как науки с характерной для нее проблематикой, определенными методологическими установками и методами эмпирического исследования.

Предметное же «лицо» и методологическая специфика социальной экологии достойна особого рассмотрения. Сегодня можно назвать довольно много дисциплин, более или менее органично сочетающих в себе черты и элементы естественнонаучного, социогуманитарного и технического знания. Это и медицина, и психология, и экономическая география, и многие другие. Однако наиболее ярко такое отраслевое «триединство» проявляется, на наш взгляд, в социальной экологии, причем как в предметном, так и в методологическом плане. Подчеркнем также, что в предметно-методологическом статусе данной науки ни один из названных компонентов не является однозначно и безоговорочно доминирующим, базовым и ведущим. Теоретико-методологические основания социально-экологических исследований не могут быть сведены ни к естественнонаучным приоритетам точности и объективности, ни к сугубо гуманитарному принципу отнесения к ценностям, ни к характерным для технического знания проектно-моделирующим установкам. Вместе с тем все эти установки не только отчетливо представлены в социальной экологии,

но и имеют вполне определенную предметную специфику.

Так, экология, которая изначально развивается как биологическая наука, не может быть свободна от идеалов и норм классического естествознания. Однако такой фундаментальный принцип классической науки, как рассмотрение природы самой по себе и максимальное освобождение знаний от субъективных напластований, не получается сегодня реализовывать «в чистом виде». Как справедливо отмечают Р. С. Карпинская, И. К. Лисеев и А. П. Огурцов, «без учета антропогенных, социальных факторов осмыслить закономерности функционирования природных систем невозможно» [5, с. 217]. Что же касается социальной экологии, то для нее тенденция предметно-методологической гуманитаризации становится еще более актуальной. Ведь «социальная экология — это наука о взаимоотношениях общества и окружающей его среды, о законах совместности, коэволюции общества и природы» [5, с. 222]. Такая предметная определенность предполагает моделирование субъект-субъектных, диалоговых отношений между исследователем и изучаемым социально-опосредованным объектом, выдвижение на первый план гуманитарной проблемы понимания, значения и смысла. Однако это обстоятельство не отменяет установки на объективное и максимально точное исследование окружающей человека среды, показателей загрязненности биосферы, динамики природных и социальных условий существования различных народов и человечества в целом. «Объективизм» и «субъективизм» познания в экологии вообще и в социальной экологии в частности чудесным образом не противостоят, а предполагают друг друга. «Ответственное отношение человека к природе, — пишет Л. И. Григорьева, — характеризует экологическую зрелость личности. Оно означает понимание законов природы, определяющих жизнь человека» [1, с. 44].

Собственно гуманитарные методологические принципы проявляются в социальной экологии также специфически. Например, огромную роль в теоретическом развитии многих наук о человеке и обществе играет установка на понимание

смысла сущего с позиций должного, с позиций того или иного идеала. Весьма значима она и в контексте социально-экологических концепций. Однако, на наш взгляд, «ориентиры должного» в этой области знания (идеал гармоничного взаимодействия человека с природой, идеалы ноосферы, коэволюции, устойчивого развития и т. п.) являются гораздо более утопичными, чем широко известные «идеальные типы» социально-политического содержания («гражданское общество», «правовое государство», «социальная справедливость»). Если в истории человечества не только регулярно выдвигаются идеи социального прогресса, но и периодически осуществляются более или менее успешные попытки их воплощения в жизнь, то история взаимодействия человека с природой — это практически неуклонное движение к экологической катастрофе. По мнению специалистов, «если всё оставить так, как есть (или слегка модернизировать), уже скоро — спустя всего лишь 20-50 лет, Земля ответит одуревшему человечеству неотразимым ударом на уничтожение» [6, с. 569].

В связи с этим практико-ориентированные положения социальной экологии содержат не столько идеи и представления социально-экологического благополучия и путей его достижения, сколько указания на то, что мешает органичному взаимодействию человека с окружающей средой, сформулированные по типу запретов и ограничений. Приведем в качестве примера принципы бережного отношения к природе северянина, включенные в процесс экологического воспитания школьников в Республике Саха (Якутия):

- «— не бить дичь без остатка;
- не убивать самок;
- собирать ягоды спелыми;
- косить сено после созревания семян и т. д.» [1, с. 46].

Технический аспект знания представлен в социальной экологии в двух основных планах. Во-первых, это расчет и прогноз возможных негативных последствий реализации тех или иных технических проектов для природной и социальной среды. «Если инженер и проектировщик, — пишут В. С. Степин, В. Г. Горохов и М. А. Ро-

зов, — не предусмотрели того, что, наряду с точными экономическими и четкими техническими требованиями эксплуатации, должны быть соблюдены также и требования безопасного, бесшумного, удобного, экологичного применения инженерных устройств, то из средства служения людям техника может стать враждебной человеку и даже подвергнуть опасности само его существование на Земле» [3, с. 372]. Во-вторых, это разработка технических решений, направленных на экологизацию производства, на создание новых, более совершенных способов практического освоения человеком природы. Всё более важная роль в развитии современного производства отводится социально-экологической экспертизе, призванной не только «дать добро» либо наложить вето на тот или иной технический проект, но и предложить оптимальный вариант сочетания экономической эффективности, социального и экологического благополучия. С точки зрения методологии это означает, что в структуре социально-экологического знания представлены альтернативные прогнозные сценарии, при моделировании которых необходимо учитывать по возможности всё многообразие биосферных, социально-экономических, технических, поведенческих, ментальных и других факторов, способных повлиять на результаты человеческой деятельности. Важно также иметь в виду, что все эти факторы тесно связаны, опосредуют и обуславливают друг друга, что, в свою очередь, дополнительно актуализирует синтез естественнонаучного, социогуманитарного и технического знания.

Если же говорить о формировании социальной экологии по механизму широкомасштабного научного синтеза (с участием социологической науки), то в результате предметно-методологическое «триединство» экологического знания становится более выраженным, т. к. социогуманитарная его составляющая «выходит на авансцену» и создает достойный, равноправный тандем с естественнонаучным и техническим компонентами. При этом социальная экология в целом не становится разделом социологии как науки, социологические черты представлены в ней «в снятом виде» и практически неотделимы

от элементов культурологического, правоведческого и даже политологического содержания: так, изучать деятельность экологических институтов и общественных движений невозможно в отрыве от экологической культуры и экологического правосознания, а также феномена экократии. Но существует по крайней мере одна «версия» социально-экологического знания, которая по праву относится к социологической «епархии», — это Чикагская школа социологии, сосредоточившая свое внимание на социокультурных условиях и факторах окружающей человека среды, на роли социальной ниши, необходимой для полноценной адаптации и жизни человека в большом городе. Немаловажно иметь в виду, что теоретико-методологические основания Чикагской школы в свою очередь являются результатом научного синтеза, в котором, наряду с социологией и экологией, принимали участие культурология, этнография, география, историческая наука и другие дисциплины.

На первый взгляд, весьма похожий механизм мы можем наблюдать, прослеживая путь формирования и предметно-методологического самоопределения социальной антропологии. Но при ближайшем рассмотрении в этих междисциплинарных связях и отношениях обнаруживается масса различий. Во-первых, социальная антропология — это важнейший раздел антропологии как комплексного учения о человеке, не только несводимого к статусу чисто естественнонаучной либо чисто гуманитарной дисциплины, но и выходящей за пределы собственно научного знания. И если движение от экологии к социальной экологии — это путь дальнейшего расширения ее содержательных и методологических «компетенций» и полномочий, то социальная антропология — это стремящаяся к четкому определению своего предмета конкретно-научная дисциплина социогуманитарного профиля. Во-вторых, социология имеет прямое отношение к формированию и развитию только одной (английской) традиции социальной антропологии. Сторонники данной традиции (в частности, А. Р. Рэдклифф-Браун), беря на вооружение принципы структурного функционализма, явно занимают ученическую позицию по отношению к класси-

ческой социологической науке. «Фактически, — справедливо подчеркивает В. Николаев, — Рэдклифф-Браун — это социолог в антропологии. Его мышление социологично» [10, с. 304].

Мы полагаем, что особенно ярко и эффективно взаимодействие социологии и социальной антропологии проявилось на уровне методологического сотрудничества — объединения усилий по формированию эффективной концепции гуманитарных наук, которая основана на современных достижениях человеко- и обществознания: «Теоретико-методологическая модель научного закона в гуманитарном знании формируется сегодня во многом на основе преодоления классической модели естественнонаучного закона как абстрактно-всеобщей, существенной, устойчивой, необходимой и повторяющейся связи явлений. Подлинно гуманитарный закон должен не только объяснять объект, но и создавать предпосылки для понимания его смысла, охватывая своим содержанием сферу и способы репрезентации общего — в индивидуальном, сущности — в явлениях, необходимости — в осуществленной свободе» [7, с. 13].

Далее целесообразно рассмотреть, какую роль в осуществлении этой программы играют, с одной стороны, социология, с другой — социальная антропология. Для этого обратимся к теоретико-методологическим возможностям структуралистского подхода и, в частности, мнению одного из его важнейших представителей — К. Леви-Строса. По его мнению, процесс познания не только структуры мифа, но и его смысла непосредственно связан с определением архетипических бинарных оппозиций человеческого бытия: «Представляется, что миф рассматривает два крайних решения одной и той же проблемы, между которыми располагаются несколько промежуточных вариантов, образующих как друг с другом, так и с крайними решениями, многочисленные отношения корреляции и оппозиции» [8, с. 22]. Следовательно, существует некий инвариант, который может быть выявлен лишь в рамках всей совокупности его смыслов. Такой подход реализуется не только в классических антропологических произведениях, но также и в ряде работ этнографической направленности (например, [15, с. 144]).

В данном случае нельзя обойти вниманием и постструктуралистские подходы, например, работы одного из классиков этого направления Ж. Делёза [2, с. 234].

Существуют два основных вида абстракций: изолирующая и отождествления. Современная социологическая наука эффективно преодолевает оба этих вида абстракций, чему способствует ее методологическая направленность на анализ тех или иных явлений общественной жизни в контексте конкретных исторически обусловленных социальных обстоятельств.

Тем не менее не следует абсолютизировать теоретико-методологическую специфику близкородственных социально-гуманитарных дисциплин. Напротив, весьма важны процессы междисциплинарного взаимодействия между ними, способствующие их взаимообогащению и формированию новых научных дисциплин. Например, использование бинарных оппозиций в контексте изучения того или иного социального феномена будет способствовать расширению возможностей социологии путем использования антропологического метода выявления рамок смыслового универсума, выражающего вариативность существования изучаемых аспектов социума.

Важно подчеркнуть, что при этом «...особая важность и универсальная значимость принадлежит оппозициям социального конфликта и гармонии, социальной интеграции и дезинтеграции, социальной нормы и аномии. В содержательной „развертке“ между этими полюсами высвечивается всё поле социальных феноменов, возникающих при их взаимодействии и различном соотношении. Представляется, что такая постановка вопроса не уводит социологию от решения ее традиционной задачи изучения общества „здесь и теперь“, но позволяет, вычерчивая „профиль“ социальной реальности, увидеть его живым, динамичным и многомерным; позволяет убедиться в том, что за каждой актуализированной „маской“ социума скрывается богатство и многоликое разнообразие „социальных улыбок и гримас“. Чем более полно будет учтена вариативность социального бытия, тем более конкретным, лишенным односторонности станет социологическое знание» [7, с. 17].

Высказанный тезис видится актуальным для дальнейшего анализа механизмов интеграции научного знания с участием социологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа различных вариантов научной интеграции с участием социологии в статье были выделены предметные и методологические, двусторонние и многосторонние механизмы этой интеграции и характерные для них результирующие формы. Включаясь в процессы широкомасштабного научного синтеза, социология работает «на поле» как предметной, так и методологической интеграции, что приводит, с одной стороны, к созданию новых отраслевых социологий, с другой — к формированию социологических парадигм. Вступая же в процесс взаимодействия с комплексными областями знания, социологическая наука способствует изменению предметно-методологического лица социогуманитарного знания в целом, а также сближению естественнонаучных, социогуманитарных и технических дисциплин.

Таким образом, можно выделить две группы ведущих механизмов интегративного взаимодействия социологии с другими социогуманитарными науками:

- формирование новых отраслевых социологий (экономическая социология, политическая социология, социология личности, социология культуры и т. п.);
- создание специфических социологических парадигм, которые условно можно назвать «социогуманитарными», как правило, базирующихся на приоритетных связях социологии с определенной дисциплиной социогуманитарного профиля.

Главным выводом, обладающим определенной степенью новизны, выступает положение о том, что социология, включаясь в разнообразные механизмы интеграции научного знания, способствует не только содержательному сближению социогуманитарных наук, но и их адекватному, более глубокому теоретико-методологическому самоопределению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьева Л. И. Природа как активное начало, пробуждающее человеческое в человеке / Л. И. Григорьева // *European Social Science Journal*. 2012. № 3 (19). С. 44-50.
2. Делёз Ж. Платон и симулякр / Ж. Делёз // *Интенциональность и текстуальность*. Томск: Водолей, 1998. С. 225-240.
3. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования / Г. Зиммель // *Избранное*. М., 1996. Том 2. Созерцание жизни. С. 301-465.
4. История теоретической социологии. Социология XIX века (Профессионализация социально-научного знания) / под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Магистр, 1998. 448 с.
5. Карпинская Р. С. Философия природы: коэволюционная стратегия / Р. С. Карпинская, И. К. Лисеев, А. П. Огурцов. М.: Интерпракс, 1995. 352 с.
6. Коробкин В. И. Экология / В. И. Коробкин, Л. В. Передельский. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 601 с.
7. Коростелёва О. Т. Социология и социальная антропология: междисциплинарный диалог о соотношении натуралистической и гуманитарной методологии / О. Т. Коростелёва // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2016. Том 1. № 8. С. 10-18.
URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26718981> (дата обращения: 12.03.2020).
8. Леви-Строс К. Мифологии / К. Леви-Строс. М.; СПб., 2000. Том 3. Происхождение застольных обычаев. 416 с.
9. Мироненко А. А. Экологическая культура населения городского округа Тольятти / А. А. Мироненко // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей*. Вып. 8: в 2 ч. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. Ч. I. С. 92-93.
10. Николаев В. Сравнительная социология А. Р. Рэдклифф-Брауна / В. Николаев // *Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 297-390.
11. Попов Е. А. Специфика междисциплинарности в социологии / Е. А. Попов // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сб. статей*. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 15-18.
12. Прохоров Б. Б. Социальная экология: учебник для студ. вузов / Б. Б. Прохоров. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 416 с.
13. Спенсер Г. Классификация наук / Г. Спенсер // *Опыты научные, политические и философские*. Минск: Современный литератор, 1999. С. 549-592.
14. Степин В. С. Философия науки и техники / В. С. Степин, В. Т. Горохов, М. А. Розов. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.
15. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / М. Элиаде. М.: Гелиос, 2002. 352 с.
16. Юдин Б. Г. Методологическая и социокультурная определенность научного знания / Б. Г. Юдин // *Идеалы и нормы научного исследования*. Минск, 1981. С. 120-158.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-23-32

UDC 31

The key mechanisms for integrating scientific knowledge with the aid of sociology

Olga T. Korosteleva

Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of General Sociology,
Altai State University (Barnaul, Russian Federation)
zakazkatun@rambler.ru

Abstract. This article analyzes various mechanisms for integrating scientific knowledge with the aid of sociology. The author aims to show the integrative potential of sociological science, the correlation of subject and methodology in the processes of scientific synthesis, the significance of metaparadigmatic dialogue and synthesis for the formation of an integral system of socio-humanitarian knowledge. The main research methods include the analysis of real integration processes involving sociology, as well as the comparison of various mechanisms and results of scientific integration. The results show that the main mechanisms of integrative interaction of sociology with social sciences and humanities are the formation of industry-specific sociologies (e. g., economic and political sociology) and sociological paradigms. Special attention is paid to the inclusion of sociology in the processes of scientific synthesis, which involve interaction with complex areas of knowledge, the structural elements of which are natural science, social sciences, humanities, and technical components, as well as the elements that go beyond the actual scientific knowledge. Ecology and anthropology are considered as examples of such synthetic fields of knowledge. The author shows that in the process of forming social ecology (with the participation of sociological science), its complex character (subject-methodological “Trinity”) becomes more pronounced. The most significant and methodologically interesting aspect of the interaction between sociology and social anthropology (as a section of anthropology — a comprehensive study of man) can be considered the combination of their efforts to create an optimal model of theoretical humanitarian knowledge. The main conclusion, which has a certain degree of novelty, is the position that sociology, being included in various mechanisms of integration of scientific knowledge, contributes not only to the meaningful convergence of social sciences and humanities, but also to their adequate, deeper theoretical, and methodological self-determination.

Keywords: sociology, integration of scientific knowledge, methodology of science, social ecology, social anthropology, socio-humanitarian knowledge, mechanisms of scientific integration.

Citation: Korosteleva O. T. 2020. ‘The key mechanisms for integrating scientific knowledge with the aid of sociology’. *Siberian Socium*, vol. 4, no. 1 (11), pp. 23-32. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-23-32

REFERENCES

1. Grigoryeva L. I. 2012. ‘Nature as the active beginning that awakens the human being in man’. *European Social Science Journal*, no. 3 (19), pp. 44-50. [In Russian]
2. Deleuze G. 1998. ‘Plato and the Simulacrum’. In: *Intensity and Textuality*, pp. 225-240. Tomsk: Vodoley. [In Russian]

3. Simmel G. 1996. 'Social differentiation. Sociological and psychological research'. In: Selected works. Vol. 2. Contemplation of Life, pp. 301-465. Moscow. [In Russian]
4. Davydov Yu. N. (ed.). 1998. History of Theoretical Sociology. Sociology of 19th Century (Professionalization of Social and Scientific Knowledge). Moscow: Izdatelstvo Magistr. 448 pp. [In Russian]
5. Karpinskaya R. S., Liseev I. K., Ogurtsov A. P. 1995. Philosophy of Nature: A Co-evolutionary Strategy. Moscow: Interpraks. 352 pp. [In Russian]
6. Korobkin V. I., Peredelskiy L.V. 2015. Ecology. Rostov-on-Don: Feniks. 601 pp. [In Russian]
7. Korosteleva O. T. 2016. 'Sociology and social anthropology: an interdisciplinary dialogue on the relationship between naturalistic and humanitarian methodology'. Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity, vol. 1, no. 8, pp. 10-18. Accessed 11 March 2020. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26718981> [In Russian]
8. Lévi-Strauss C. 2000. Mythologiques. Vol. 3: The Origin of Table Manners. Saint Petersburg. 416 pp. [In Russian]
9. Mironenko A. A. 2016. 'Ecological culture of the population of Togliatti city district'. In: Kolesnikova O. N., Popov E. A. (ed.). Sociology in Contemporary World: Science, Education, Creativity. Vol. 1, pp. 92-93. Barnaul: Izdatelstvo Altaiskogo universiteta. [In Russian]
10. Nikolaev V. 2001. 'Comparative Sociology'. In: Radcliffe-Brown A. R. Method in Social Anthropology, pp. 297-390. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole. [In Russian]
11. Popov E. A. 2015. 'Specificity of interdisciplinarity in sociology'. In: Kolesnikova O. N., Popov E. A. (ed.). Sociology in Contemporary World: Science, Education, Creativity. Vol. 7, pp. 15-18. Barnaul: Izdatelstvo Altaiskogo universiteta. [In Russian]
12. Prokhorov B. B. 2010. Students' Textbook in Social Ecology. Moscow: Akademiya. 416 pp. [In Russian]
13. Spenser G. 1999. 'Classification of sciences'. In: Experiments in Science, Politics, and Philosophy, pp. 549-592. Minsk: Sovremennyy literator. [In Russian]
14. Stepin V. S., Gorokhov V. T., Rozov M. A. 1995. Philosophy of Science and Technology. Moscow: Kontakt-Alfa. 384 pp. [In Russian]
15. Eliade M. 2002. Initiation, rites, sociétés secrètes. Moscow: Gelios. 352 pp. [In Russian]
16. Yudin B. G. 1981. 'Methodological and socio-cultural certainty of scientific knowledge'. In: Ideals and norms of scientific research, pp. 120-158. Minsk. [In Russian]